

Борис ЗАЙЦЕВ

ПАМЯТИ

ИВАНА И ВЕРЫ

БУНИНЫХ

Иван
1988
№44(апрель)

не шуточки и «Притыкино», сейчас он поэт, как и подобает ему быть. Такой, как некогда читал стихи свои у меня на Спиридоновке.

— Да-а, святой Бернард...

Удивительна эта заброшенность аббатства Торонэ, одного из знаменитых памятников романской архитектуры. Как все сурово, строго тут! Ни украшений, никакой радости для глаза. Как будто сказано: «К чему обольщаться? Веруй, молись».

Голые каменные стены храма, сумрачная трапезная для монахов, портики во дворе на приземистых колоннах, нехитрый колодезь — и ни души! Даже привратника нет. Входи с дороги, кто хочет. Правда, и украсть нечего: сплошной камень, да так уж прочно приторочено, что веками стоит.

Во дворе присаживаемся у колодца, Иван закуривает.

— Да, это не то, что у нас в Ельце или у вас там в Кашире. А мне нравится. Ей-богу, нравится. Ты посмотри, как строили... Да-а, писали не гуляли.

На закате солнца мы вернулись уж домой, вззошли на взгорье за нашим домом, посидели на поваленном дереве. Тут друго. С возвышенности далеко видно — старинный городишко Лорг, леса, оливки, виноградники, окаймлено все невысокими горами, в туманной синеве сейчас. Это Вар, департамент Прованса, пустынный, поэтический и откуда пейзаже все-таки стремятся перебраться в город или ближе к городу. Поэтично, но и скучно. Сколько заброшенных виноградников, покинутых домов крестьянских, запустелых огородов и вообще развалин. Одно аббатство Торонэ неуязвимо.

Таким заезжим и случайным, как мы с Иваном, — нравится, а жить тут постоянно, и особенно зимой... (Воображаю, что за холодище в нашем доме, когда мистраль задует!).

Но сейчас мистраль нет и зимы нет. Есть наступающий вечер, вдруг ставший облачным, в сиреневых сумерках. Спускается домой — Иван начинает торопиться.

— На коней, на коней!

Внизу, близ дома нашего, видны огни автомобиля.

— Видишь, пора! До Грасса еще далеко. Ночевать тут, что ли? Вера, поторапливайся!

И быстрой, сухой походкой, тонкий и бодрый сбегает вниз. (В движениях молодое своих лет).

Фердинанд разглагольствует о чем-то с его шофером. Вероятно, что-нибудь по-провансальски-тартаренски врет.

— Ну, душа моя, прощай. Нет, обещать не останусь.

Две Веры целуются. Иван быстро вскакивает в машину.

— У-у, Вера, всегда возишься!

— Вот и я сажусь, Ян. Ничего я не вижу.

— Прощайте! Хорошо у вас тут в Притыкине!

Через несколько минут автомобиль катит к большой дороге. Сквозь деревья мелькают золотые огни его, потом исчезают. Как мгновенно прилетели Иван с Верой, так и улетели.

Так улетело теперь и все то, прошлое, далекое. Вспоминаю обоих во времена бодрости их и хорошей жизни. Вспоминаю и Грасс, где подолгу мы с женой — подругой юности его Веры — гостили. Горестно представить себе предсмертные годы Ивана Алексеевича (только что прочел о них), ужасно грустно. А теперь и Вера ушла. Но вот в памяти они тогдашние остались, как и Прованс в солнце и золоте, Грасс, Пюжет.

1952.

Борис Константинович Зайцев (1881 — 1972) родился в Орле — на родине Тургенева и многих других русских писателей. Учился в Калуге, потом в Москве и Петербурге. В 1901 году опубликовал свое первое произведение. В 1921—1922 годах он был председателем Московского Союза писателей.

Получив разрешение, вместе с женой и маленькой дочкой Б. К. Зайцев в 1922 году выехал за границу. Недолго жил в Берлине, потом около года в Италии, а затем поселился до конца дней своих во Франции.

«Я рано начал писать, но зрелости художнической достиг поздно, — вспоминал Б. К. Зайцев. — ...Я начал с импрессионизма. Именно тогда, когда впервые ощутил новый для себя тип писания: «бессюжетный рассказ-поэму», с тех пор, считаю, и стал писателем».

На его творчество оказали влияние Чехов, Флобер, русские и французские писатели-символисты. Порой произведения Зайцева называли «акварельными». Критики отмечали своеобразие зайцевского стиля, его лиризм.

Наиболее известные произведения писателя, созданные за границей, — это романы «Золотой узор», автобиографическая трилогия «Путешествие Глеба», повести о жизни русской эмиграции «Дом в Пасси», «Звезда над Булонью» и три биографии — «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов».

«Вообще годы оторванности от России, — отмечал Зайцев, — оказались годами особенно тесной с ней связи в писании. За ничтожными исключениями все написанное здесь (в эмиграции. — Ю. К.) мною выросло из России, лишь Россией и дышит. В произведениях моих первых лет зарубежья много отголосков пережитого в революцию. Далее — тон большего спокойствия и объективности».

Долгие годы дружбы связывали Б. К. Зайцева с И. А. Буниным. Умер Борис Константинович в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Юрий КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

Париж.

Однообразно, тихо, патриархально. Девочка рисует после обеда свои детские рисуночки, за этим же столом, вечерние прогулки — нередко в аббатство Торонэ — заброшенный и замечательный цистерцианский монастырь. Там тоже цикады, тоже вечером певучие совушки провансальские.

Вдруг в идиллии этой некое событие: к нам едут Иван с Верой — Бунины! Из Грасса, навестить. Ну, очень рады.

В назначенный день автомобиль виден из-под наших каштанов, нерешительно он останавливается у поворота с большой дороги, наконец к нам, на скромную дорожку сворачивает. Да, Иван в каком-то шлеме, как путешественник в Индию, коричневатом, Вера в светлом платье, такая же спокойная и сдержанная, как и в Москве девушкой была, в доме родителей своих, Муромцевых.

— Ну вот, дорогой, в какую трущобу забрался, насилил наши! Что, вы тут одни совсем? Скучища, наверно?

— Ничего, не скучаем.

— Это тебе не Притыкино твое. Вера, вылезай, вылезай!

Пока Вера целуется с моей Верой, он уже нетерпеливо рвется куда-то.

— Показывай, показывай свое Притыкино! Где у вас тут скотный двор? Конюшни где? Сколько лошадей держишь? Почему поденным платишь?

Но это все «так». В общем он благодушен, в хорошем настроении, осматривает дом, заходит в мою комнату — очень скромную, с несколькими рукописями да книжками о Провансе — собственно, вроде кельи.

— Тут вот и «творишь»... Твори, твори. А виноцо у вас собственное? Виноградники развел, оливки... Ну, куда там Притыкину угнаться...

И все-таки старый, неказистый, но чем-то благородный дом ему нравится: может быть, неким древним своим запахом, тишиной, прохладой, жужжаньем отдельных шмелей и снаружи треском цикад.

— Да, я сам это люблю, — говорит он уже серьезно: — и Прованс, и глушь, и цикады, и каштаны.

Завтракаем внизу, в полутемной столовой. Иван надевает пенсне, разглядывает «живопись» на стенах.

— Это что же, Рафаэль изображал?

— Да, Рафаэль. Здешний. А жил тут полоумный одинокий старик, владелич имения. Здесь и умер. Будто бы призрак его ходит ночью по комнатам и постукивает.

— Ну, это вранье, конечно. Брехня. Призрак! Пьяница наверно был, спивался в одиночку.

— Бог его знает.

— А ты видел? Как он ходит и постукивает?

— Нет, не видел.

— Ну вот то-то и оно-то, душа моя. Все вранье.

Я подливаю ему «нашего» пожетского вина.

— Будет, дорогой. Виноцо хоть свое, притыкинское, а довольно-таки... (и опять словцо на четвертую букву алфавита).

Под вечер мы ходили в монастырь Торонэ. Какою-то тропинкой, среди мелкого леса — и вот другая тропинка пережидает ее — в старых, замшелых плитках-каменных.

— Иван, смотри, это древняя дорога в аббатство Торонэ. По ней ездил сюда на ослике Св. Бернард. Тот, кто Крестовые походы проповедовал. Бернард Клервосский — он и считается основателем аббатства.

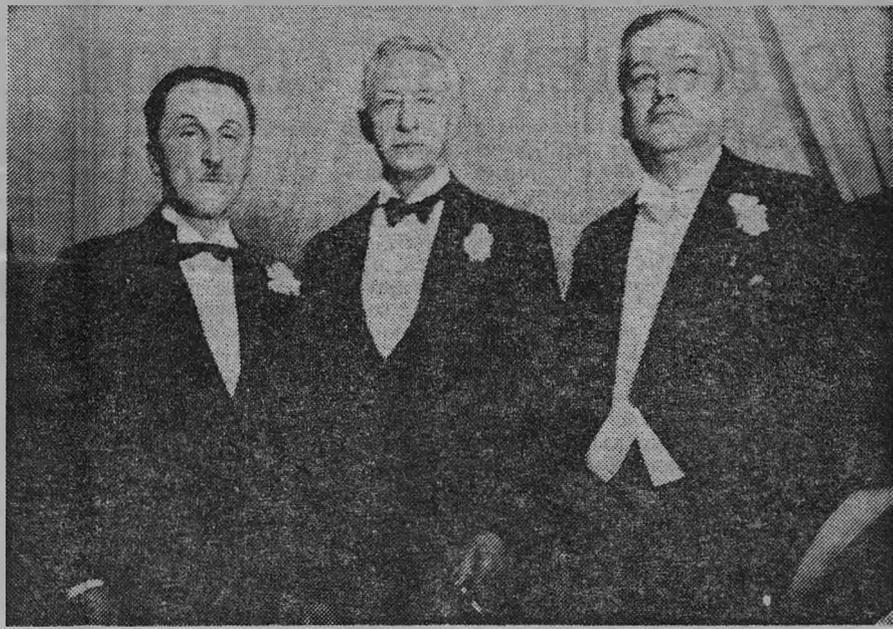
Еще довольно жарко, пахнет нагретой хвоей, цикады неумолчны. Выходим на большую дорогу, современную. Налево красные россыпи боксита, невдалеке романского стиля колокольня.

— Клервосский, Клервосский... — я этих красных походов не видал... а вообще хорошо. Мне нравится.

Он снимает свой шлем.

— Да, братец ты мой, на ослике... Как Спаситель, «на ослике».

Иван делается вдруг серьезным — это

● Б. Зайцев, И. Бунин, М. Алданов.